

Александр Карамазов

Неназначенные Встречи

Москва 2003

**Карамазов А.А. Неназначенные встречи:
Стихотворения**

Редактор и составитель М.Г. Ермишин

Оформление и верстка М.Н. Ромм

Набор Е.Н. Торопова

Корректор Т.А. Гордеева

Об авторе

КАРАМАЗОВ Александр Анатольевич (1962 - 2001).

Уроженец подмосковной Малаховки. Здесь он пошел школу.

Детство и юность (с 1972 по 1981 гг.) прошли в Лобне.

1977-1980 – годы учёбы в ПТХУ №64 (Худ. Училище в Москве); специализация – народная игрушка.

Стихи писать начал рано, но записывать их (по его собственному признанию) стал только с 16 лет.

В начале 1980-х участвовал, как поэт и художник, в нескольких самиздатовских журналах и альманахах («Корабль», «Морская черепаха»), не придавая, впрочем, этому особого значения.

В конце 1981 года семья вернулась в Малаховку, из которой он уже редко куда выезжал. Здесь постоянным спутником его жизни и творчества стал алкоголь.

С 1980 по 1988 гг. сменил множество профессий: художник-оформитель, слесарь, грузчик, строитель, кочегар...

С 1988 г. – фактически безработный; «занимался бизнесом и Бог знает чем...» Осенью 1988 г. появился на свет его первый ребёнок (потом будут ещё трое).

На наш взгляд, имеются все основания называть Александра Карамазова оригинальным поэтом. В этой книжке, построенной не хронологически, большинство ранних стихотворений мы выделили в особый раздел «ИЗ РАННЕГО»; нам показалось, что они отличаются своим поэтическим звуком.

Писал он много и постоянно, стихи и прозу. (Хочется надеяться, что проза тоже когда-нибудь дождётся своего издателя.) И всю сознательную жизнь рисовал. Небольшую часть его рисунков мы помещаем в книжке – нам очень хотелось, чтобы читатель получил представление и о художественном таланте Александра.

Нечаянно, как вздох...

Поэты уходят молодыми. Исключения редки. И все разговоры оставшихся на тему «вот если бы» – пустая маниловщина. Если б Лермонтову было отпущено сроку хотя бы как Пушкину... А кем стал бы Пушкин, проживи он столько же, как Пастернак... Не в силах смириться с утратой, мы просто ищем утешения. Но утешения нет...

Не станем, однако, переходить на обзор российской словесности. Хотя так и преследует навязчивое: «Высокой страсти не имея/ Для звуков жизни не щадить...». Этот страстный упрек поэта в адрес глухого окружения мы все пропустили мимо ушей впопыхах очень среднего образования, зациклившись на ямбе и хорее (которых так и не в силах различить). За что и расплачиваемся тотальной глухотой.

Но у Александра Карамазова была эта высокая страсть. И неважно, отчего он умер (а «доброхоты» подскажут – от *чего*), но пока был жив, болел словом и мучился им. И слушатель зачарован сначала звучанием, переливом рифм, и лишь потом постигает горькую суть – в 8 строк:

*Не знаю, чем стала для нас
Последняя встреча. В то утро
Мы жгли для тепла и уюта
На кухне невидимый газ.
И был так понятен язык
Со сцены сходившего лета.
Не стал я, конечно, поэтом,
Ты больше не плачешь от книг...*

И еще долго потом носишь в себе эту мелодию, напомнившую что-то из твоей жизни. И обретает плоть, становится материальным вдруг, что было сначала лишь словом, становится «так понятен язык» явлений и

предметов. Как тот невидимый газ — ставший осязаемым. Господи, дай сил не заплакать. В этом главное таинство поэзии: вечная обращённость именно к тебе и эффект постоянного присутствия творца. Даже когда его нет — он есть. Даже когда умолкает, мы продолжаем слышать его голос (читательское ухо — эхо давнего шёпота).

То, что друзья Александра Карамазова к годовщине подготовили книгу его стихов — достойно уважения. Здесь не только дань памяти ушедшему другу («Я верю живым приметам, предметам, помнящим нас»), но и признание.

У лирической поэзии есть парадокс: человек может долго носить в себе нечто сокровенное, таить от всех, не решаясь поделиться даже с близкими. И вдруг, обращенное в строфы, это нечто вырывается наружу. Нечаянно, как вздох. И — требует уже внимания широкой публики: многих, далёких, совсем незнакомых. И затаённое становится враз то ли бравадой, то ли покаянием, и «низкое» становится предметом поэзии.

*Я ненавижу живопись, стихи,
я уважаю крепкие ручищи
и кислый дух распарившейся пиццы,
и самогон под шматы требухи...*

(«Когда б вы знали, из какого сора...»)

*...Сам не знаю, с чего
влип в стихи, как в навозную кучу.
Ведь от жизни хотел я порой одного:
чтоб не стать работающей и лучше.*

Как часто мы, не понимая, готовы сразу отмахнуться, надеясь тем защитить свою самодостаточность. С Карамазовым — не так. Сразу чувствуешь его силу, и если вдруг не понимаешь, пеняешь лишь на собственную неготовность. Просто отдаешь долг.

*Ой-ли! Вечный обман вечерами:
гоношится монах над доской своей вечной...
Мы ж соломенного снеговоя не различаем,
по которому возвратится Сын Человечий.*

А ведь не различаем. Ну отчего мы так небрежны и глухи к живущим, и так трогательно отзывчивы к безвременно опочившим? А ведь он, как и его предшественник некогда, ищет близкого по духу (может, нас с тобой), пытается докричаться до родственной души.

Предисловие

*«Друг мой», – мне так бы начать и про то же,
только подпись поставить свою.
Черный человек, уж поверь, поменял свою «белую кожу»
на тяжелую челюсть и рыжую шапку мою.*

.....

*... Друг мой, я глупо себя не берёг –
заболтать дал эстетам-канальям.
Но уже до тебя дотянуться не мог,
и они – за тебя промолчали.*

Да, здесь исповедь. Вся книга – нечаянная (как всегда у поэтов) исповедь сына века. Ненавидящего слова и – болеющего словом. Отсюда и самоуничтожение:

От нас ни хрена не останется – ни имени, ни стихов.

Но, к счастью, он ошибался в пророчестве грустном своём. После него остались *стихи*. В памяти друзей и благодарных читателей, которым он их подарил. Только поэту дано так развести полюса понятий, или, напротив, свести вместе – трагическое и бурлескное. Где мысль торопит слово, а слово бежит впереди сумрака будней. И как знать...

*Может быть, по культуре далёкой провинции
будут нас изучать, наживую припилив булавкой к столу...*

Виктор Антонов

*Я строю музей
для скуластых камней
и картин,
как будто сошедших с витрин, —
куда, быть может,
заглянет случайный прохожий,
скажем, чтобы поправить галстук...*

*Но поверь:
руки, содранные о кровельное железо,
и кажущиеся такими бесполезными
и неловкими без молотка,
никогда добровольно не откроют дверь,
за которой — века
страданий.*

*Нет, я понимаю,
что музей — достойное место
для мужества, воплощённого в камне,
что искусство, создаваемое руками,
изначально естественно и безызвестно —
как дорога,
что подчас безыскусственна и
бескорыстна,
как безумье Ван Гога.*

1987

Праздник завтрашнего дня!
Радость утра! Тихий вечер!
И никто не отменял
Неназначенные встречи!

Будто с самых первых слов
Рад со всеми примириться,
За попутчика готов,
Как за друга, поручиться.

Он, что мой вчерашний день,
Суматошный, невезучий;
Понимаю: это лень,
Мы мечтаем: будет случай...

1984

ГОРОД

Пророк, изгнанник, тощий еретик,
глаза в глаза — мы свидетелись с тобой.
В пути без веры, с болью и мольбой,
любой из нас чего-нибудь достиг.
И эта близость, на короткий миг,
явила,
с признанием чужой
враждебной силы,
в руинах — город неземной.

В руинах... Среди древних книг...
Но каждая семья влачила
свою печаль,
и каждый — свой
язык...

июнь 85

«БОБОК»

Из слов всех после смерти лишь «бобок»
останется — поведал Достоевский...

Нас бесконечно много, мы лубок
народный, всенародный, нет, вселенский —

кому «бобок», ну а кому «лобок»
и после смерти жутко вожаделенен
(забудешь разве, когда слово «Ленин»
читалось между каждых школьных строк?!).

Уймёмся ли, когда приидет срок,
читать херню за грифами «секретно»,
и вечно думать, как бы незаметно
проникнуть, выпить и сболтнуть, что Бог,
должно быть, существует (!) изначально (!)
ныне и присно... Господи, прости,
без тела ж гол я... а сказали б на Украине:
Пошел опять, мол, москаля везти.

«Прилично ли бесплотному эфиру
в личине карнавальной...» — что за Лярвы
еще владеют языком моим корявым,
и смазывают, будто стылым жиром

гортань и нёбо?! Небо тоньше нити,
в ушко игольное прошедшую, теребят
и скатывают, как в собачий гребень
с репьями шерсть — любовно — с сучьих титек.

... И что за слово станет нашим кредо
последним — много ли печали?! —
любое впору, в лад и на потребу,
единственное и случайное,

как будто в роще свищет пересмешник.
В начале было слово у коровы
или в потрескивании головешек
костра — всё глупой птичке ново.

Когда б не Пересмешник-Достоевский,
когда б так смерть не близко к жизни вечной,
то человек бы всё очеловечил —
всадил бы нож в себя с улыбкой детской.

«Бобок» услышан! Стягом вознесенный,
он, проводник над стиксовой волною.
Чем не забава — лодкой заводною
по дивной речи мчим во время оно!

июнь 1998

Читая Гоголя
в подростковом возрасте

Для мировой литературы
(за исключением русских)

Гоголя
открыл Эжен Ионеско
в театре абсурда...
Интересно,
до или после этого
он написал «Носорога»?

У нас
всё начиналось с Гоголя —
«Тема «маленького человека»
впервые
раскрыта
в гоголевской «Шинели», —
долбили в школе,
не менее
и не более
заставляя заучивать, как стихи —
к которым прививали отвращение.
(Была пора
бурного цветения
маразма.)

Долдон — мой отец — не усомнился ни разу
(разбитый радикулитом
вечно корчился с книгой раскрытой,
долбя по шапке — в предпочтение телевизору —
«груды окаменелого дерьма»),
ранние произведения
называя в подтверждение
того, что Гоголь
в конце жизни
сошел с ума.

[Почти тет-а-тет,
как в переулке заборы, —
научнообразный авторитет
предлагает «разборы»
(что за жизнь ВАША — без знака вопроса —
вечное расхождение мечты с существенностью —
гоголевская патетика) —
читатель уверенно остаётся «с носом»,
даже если нос
только что разгуливал по Невскому,
в чине статского советника.]

Доколе, Николай Васильевич,
суждено Вам странствовать по свету
со своими странными
читателями?..

октябрь 1987

Я ненавижу живопись, стихи,
я уважаю крепкие ручищи
и кислый дух распарившейся пищи,
и самогон под шматы требухи.

Ещё костюм мой годен для прогулок,
язык сведёт в ближайший переулок,
живописуя видами Москвы
и переборами газетной мишуры.

Я пролетарий с вывертами в мир
искусства...

1987

ХУДОЖНИКУ

Под голову подложи кулак,
под голову подложи камень,
и вслушайся в шелест листьев
над бедным ложем твоим,
и ты услышишь,
как, словно птенцы в скорлупках,
проклёвываются почки,
а листья, побитые тлём,
скручиваются в пергамент,
и много, сменивших друг друга,
сценок и панорам
дружбы и ненависти,
молчанье закрытых дверей
и шарканье тапок по полу
(люди уходят,
с юностью — многие безвозвратно,
потом уходят годы
и, вслед за ними, воспоминанья,
а если остаются воспоминанья,
то годы всё равно уходят —
многие с юностью безвозвратно,
иные в заботах).

1984

ПИСЬМО ДРУГУ

А.П.Егорову

1.

«Друг мой» —
мне так бы начать
и про то же,
только подпись поставить свою:
Черный человек, уж поверь,
поменял свою «белую кожу»
на тяжелую челюсть
и рыжую шапку мою.

Было время безвременья...
И ноябрьский проспект
плыл, как в зеркале,
радуясь криво.
К чёрту зеркало!
Мы сошлись в толпе
в ослепительных нимбах
цилиндров.

(Ты напишешь потом:
«Я в конторе дурил...»
Текст щипал,
как усы за пинцет,
лез из кожи
на службе,
о себе говорил,
как Петровиче,
в третьем лице.)

2.

Друг мой,
какие в стране перемены!
Жирный уголь...
Такие начнутся дела!
Но всё кажется:

будто, вернувшись со смены,
вижу дом свой,
сожжённым дотла.

Дом — ковчег!
Да и то:
за какие грехи?
И в раю
самогонка на свёкле...
Будто сор из избы —

от безбрежных стихий —
выметаю
побитые стёкла.

(Наше время —
расцвета бредовых идей,
и тогда —
не отправленных писем.)
Я, похоже, устал
от случайных гостей —
не таких сумасшедших
и лысых.

Скажешь: Только слова...
Сам не знаю, с чего
влип в стихи,
как в навозную кучу.
Ведь от жизни хотел
я порой одного:
чтоб не стать
работающей и лучше.

».

Друг мой,
я глупо себя не берёг —
заболтать дал
эстетам-канальям.
Но уже до тебя
дотянуться не мог,
и они —
за тебя промолчали.
Сука — жизнь!
Потому-то, теряя друзей,
выползаем слепыми на люди.
Сколько будет ещё,
кого хитрый еврей
надурит на пустой посуде...

1987/88

Легковерные мечты
Сна ничем не нарушают,
Как над речкою мосты,
До рассвета замерзают;

То ли остывать нельзя,
Доверяясь, как вначале, —
Но вчерашние друзья
Слишком многое прощали.

То ли, увлечённый вновь,
Понимаешь, как нечаянно
Ранил прошлую любовь
Объяснением неслучайным...

И опять лишаюсь сна,
Кто за нас верней решает?
Или ждать: придёт весна,
Точно все мосты оттают?

Просто выучиться ждать? —
Мелкий лавочник был волен,
Если худо — занимать
Хоть у крупных монополий.

Скудность встретится... разбег ...
(В прошлом: пеший или конный)
Или бедный человек,
А покажется: влюблённый.

1984

ПРИМЕТЫ ДРУГА

Когда идёшь и дремлешь переулком,
То отблеск дружбы на твоей судьбе:
«Я пережил все слухи о себе,
Благодарю — за одинокую прогулку».

И в том, что встречный —
 словно в воду канет,
Когда ПРИЛИЧНЕЙ — НЕ ИМЕТЬ ДРУЗЕЙ...
За ним спешишь с обидою своей,
Доказывая в воздухе руками.

1985

ПОРТРЕТ

И.В.Пташкину

Знакомый, если угодно,
и друг, если это возможно, —
о! чтобы его удержать, не нужно
стол накрывать и сидеть напротив,
говорить о работе (или погоде).
Между нами есть договорённость:
о том-то и том-то молчать,
ведь стоит только начать...
(А закрытая тема — не то, что закрытая дверь:
«Посторонним вход воспрещён!»)
Тем более, что ты посвящён
в душеприказчики и просвещён
относительно закрытых дверей.

1987

В дом мой постучалась Пустота,
но пришла не пустая — с вещами:
книгой раскрытой,
какой-то пластинкой забытой,
заигранной,
и с ещё неостывшими щами.

Она уселась за стол,
и мокрым мизинцем
нарисовала на столе что-то смешное,
кажется белку,
и тут же подрисовала ей колесо.
Потом она сказала что-то смешное,
и замолчала —
как будто между нами пробежала кошка
(ибо это была кошка,
похожая на белку),
смешно перебирая лапками,
она перебегала дорогу
нарисованному на столе человечку.

1987

17 ЧАСОВ 50 МИНУТ

...Когда отец ест свой хлеб на кухне,
макая [в] соль из пивной кружки,
а приглушённый радиоприёмник «пробивает на корпус»
трескучими аплодисментами;

когда прудовые рыбы висят вертикально в банке —
у самой кромки воды, глотая комнатный воздух,
и этим особенно интересны
детям, котам и аквариумистам...

1987

Автопортрет

Этот дом не даёт эха —
его поглощают вещи,
эти вещи прилеплены к стенам —
они не дают тени...

Умора! — мой глупый котёнок
играет с тенью хвоста.

1987

СКАЗКИ ПИШУТ ДЛЯ ХРАБРЫХ

Мой отец моложавый — и ныне метущийся рыцарь,
мне завещав «Дон Кихота», в сущности, был подлецом;
вчитываюсь... и готов уже отрешиться,
но поднимаю лицо — вижу: поднимаю лицо.

ОК.1979, 1984

ДЕРЕВА

Дерева, вас темно, как в заставленной комнате,
Будто шторы опущены — будто свет не зажгут,
И смеркаются птицы куполами святыми на холоде,
И святыми дарами лёд смеркается на снегу.

Дерева, вас темно — целый сад
Сквозь ресницы и сквозь снегопад,
Будто сам — по охоте своей
Сдал лишь чёрных одних козырей.

Да и ночь напролёт — голоса
Красных листьев в моих волосах,
Если ж есть чего вспоминать —
Мир вам, скучные вечера.

Но не помню — до Покрова? —
Вас темно уже было и — было;
Дерева, вы мои деревья —
Городская (при мысли) рябина.

Дерева, вас темно, как в заставленной комнате,
Будто шторы опущены — будто свет не зажгут,
И смеркаются птицы куполами святыми на холоде,
И святыми дарами лёд смеркается на снегу.

1981

НОЯБРЬ (отрывок)

Ещё зима — зима не в полной мере,
прелюдия; во льду, как голограмма,
вдруг проступает лист.
Оконные вторые рамы,
как акварели, вносят в двери —
работа, милая в апреле,
и так же воздух чист.

Теперь не обойтись без разговора
и о погоде: должен выпасть снег;
двойная муха будет спать в окне,
сухая, вхруст морозного узора.
А дальше всё как будто наизусть:
в укатанных дорожках общий двор,
где галки воробьев сгоняют с булки,
и, торопясь на спевку в детский хор,
мальчишка будет пробовать сосульки
на ДО, на МИ, на вкус и просто хруст.

Потом подряд; не всё ль равно, с чего —
чему не быть и быть на видном месте:
мальчишке с льдышкой, льдышке без него,
снежинке, жениху или невесте
с их стариками,

нудно как закон,
твердящими: «Во всём есть свой резон».

Какая разница! В подобное из утр
вы улыбаетесь их вечному резону —
в цигейковых поддёрках, по сезону
перелицованных «не мехом внутрь».

1984

Утро начинается с постели, —
беспокойной дрёмы: «Тебя эти пятнадцать
минут устроят?»,
делового пробуждения: «Где мои брюки?»,
и — как выезд на «натурные съёмки» или
многочасовая игра в шахматы с воображаемым
противником — кончается бесконечным
перечислением вариантов неиспользованных
возможностей и полной
утратой иллюзии:
понедельник начинается с воскресенья...
сегодня — вчера...
пьянка — с похмелья...
«синица в руках» с «журавля в небе»...
— Твои «журавли» у тебя в руках...
— Держи меня за нос — они улетели...

26

НОСТАЛЬГИЯ

В голубином, лубочном небе,
где в салюты взлетали шары, —
мне смеялся прищуром Ленин —
бисеринками красной икры.

А родители водочку трескали,
свято веруя: «Всё на века!»
Время было божие, пионерское —
с синей жилкою у виска.

И на голую ветку сирени
будет дождь лить опять и опять...
Ещё жив на плакатах Ленин —
даже внукам смогу показать.

5 марта 1994, 6 марта 1996

ПЛАКАТ

Слушайте

все

поколенья:

каждый субботник,

пока

вы

пьёте

вино, —

Ленин

потенциально

несёт

бревно!

начало 80-х

Когда напьюсь — восторг щенячий,
Как трезвый — жизнь нормальная, собачья,
С похмелья — золотая середина,
По-человечески — ни мальчик, ни мужчина.

От нас ни хрена не останется —
Ни имени, ни стихов,
Ведь скажут: «Они были пьяницы —
Без имени, без стихов».

И вот я спешу на кладбище.
Без имени, без стихов
Могила отца. И радуюсь:
Ни имени, ни стихов.

24 апр. 1994

Продолжение давнего письма,
написанное через девять лет —
ответ на стихотворение А.П. Егорова
«приглашение карамазова на попойку
(подражание китайскому)»

Нас нынче трое, не считая друга Пташкина,
Везде бываю со своей женой, —
Я сохранил все прежние замашки
И скудный быт от жизни холостой.

Ты вот писал: «Как с нас икон не пишут?!»
— Шура, пишут!

В моей стране, где издревле икон
(Заметил иностранец) — в каждой нише...
И не смолкает колокольный звон,

В моей стране, где в церквах роют свиньи
(Бухгалтер ужимал на счётах рубль),
В такой стране мы до сих пор могли бы
Испытывать воровскую удаль.

«На пустыре империи великой
Сойдёмся ж вновь!..» да «пенкой по губам»...
Я нынче трезвый, Шура, и светлею ликом,
Прочтя «любовь к отеческим гробам».

Могил друзей не счесть, хоть мне едва за тридцать
(Но вот опять соврал — уже и тридцать шесть),
Ты церковь ту, чей купол золотится
Над кладбищем твоим, сумел, успел воспеть.

Как будто я и ты, покойный Игорь Пташкин
Поём — живы от этих близких строк...
В закат вступает, в золотых кудряшках,
Мелодию ворующий лесок.

1987, 1998

ПРОЩАНИЕ С РОДНЫМИ

Они шумят как дети на заставе,
Легко играя в свой нарушенный покой;
Как быть тому, кто отчий дом оставя,
Ушел, не видя ничего перед собой?

И хоть немного сделать обещаю
для них — но, где с собою спорить нам нельзя,
За верность и любовь мы всё прощаем
Родным и только искренним друзьям.

Случится так, что встретившись немногим,
Но тесным кругом, вспомним как и где
Мы ревновали к той, чужой, дороге,
Слепой удаче и неизвестной беде.

1984

МАЛАХОВКА — ЛОБНЯ

Там я вырос
а тут родился
сюда возвращаюсь
(тут мои корни)

Там успели меня забыть
а тут помнят отца
отцы тех кто родился тут
вместе со мной

Теперь живу здесь
откуда так рвался
«домой».

27 сен. 1988

Надпись на фотографии собственного дома в Малаховке

Этот дом в расщелинах, выбоинах:
здесь могли проводиться выборы
(ставить вопрос ребром), ходить в сапогах
и пить политику,
водить аквариум, подделывать купюры,
жарить кабачки, выматываться с детьми,
на всё наплевать — с блядьми...

18 авг. 1991

ПЕСНЯ

Мне назначена другая жена,
но в жизни решать тебе.
Ты не можешь лечь спать одна,
а мне всё равно: ты одна или вас две.

Вечерний чай — это столько-то
 прочитанных на ночь страниц,
и ничья голова от дурных сигарет.
Я хочу лечь спать... но падаю ниц,
и мне всё равно: ты одна или вас две.

Ведь выстроен дом из закрытых дверей —
для спешащих сюда извне.
Твоя соперница станет тебе нужней,
потому что мне всё равно: ты одна или вас две.

И мне всё равно, когда кто-то спешит домой
к своей или чужой жене:
мне хорошо... я ложусь спать в подъезде,
 твёрдо зная, что это запой,
и тогда мне всё равно: сколько выпить
 — по одной или две...

февр. 1992

«ЗНАНИЕ»

То было знанием от игры ума.
(Избави, Боже! Избави, Боже!)
Как естество и виртуальная чума,
Так бред и явь у пьяницы — всё тоже

Самое. И возраст — нежитьё:
Бредёт какой-то, с кем-то, ниоткуда...
Свалился в лужу... пляшет и поёт,
И видит, соблазнившись, в небе чудо,

Но в небе, отражённом в жиже лужи.

От праздности стиха, для красного словца
Мой голос и тлетворен и простужен.
Князь мира в зеркале корёжит мне Отца
(Лишь хряк стоял в бездонном чреве лужи).

Я будто заглянул в дурной кроссворд,
Где всё наоборот — одни кавычки,
И вместо лиц — ужимки жутких морд,
Где нет имён — всё погоняла, клички,

(И хряки в клеточках — ЗЕКА на перекличке),

Неужто я prospлю земную жизнь,
Залив глаза подслащенной блевотой?!
Мгновение, не остановись —
Вот он бредёт какой-то этот кто-то.

Помилуй, Господи, мя грешного сего,
Неведующего «часа своего».

7 февраля 1998

Когда-нибудь я выйду на дорогу,
и будет снег... Так близко будет снег,
что я смогу его вдыхать и трогать, —
в четырёх стенах умерший человек.

Так близко будет снег, но он не станет таять,
залепит веки (заострится нос);
сын, наклонившись, вряд ли и узнает,
и слава Богу — видно не дорос.

янв. 1996

МОЛИТВА В ПОЕЗДЕ

...И студенистые пруды, протоки,
в изморози луг.
В электричке рассвет мешается с лампочками.

— Здравствуй, первенец мой,
мой Фа лучезарный
на пороге в школу!

— И Андрюшка, мой другий
(как в песне поётся
про одну беспечную девку),
моя Летучая Мышка,
что видишь сегодня,
какие танцы танцуешь,
не подменили ли
тебе тапочки в детском саду?
(Ой ли, ой!)

— И Ля, моя Птичка, Птичка Ля...
И эти зоологические семейные клички,
распространяющиеся на всю жизнь,
позволят ли они взвешивать тебя на руках
так же, всю жизнь,
мой Крепыш, мой Снопик, моя Кубышка?!

— Дочурка Иришка,
твой доктор сказал: у тебя кровотечение;
а твои «враги» и «убийцы»,
равно как и твои «друзья»,
мне кажутся неживыми картонными гномами,
высосавшими из тебя всю жизнь
до последней кровинки.

Ты молода и красива,
но тебя почти нет.
Неужели, Молодая Красивая Сильная,
ты вернёшься к ним
умирать?

— И мама, милая мама,
вчера твои именины (58),
тебе так хотелось гжельский чайник,
что ты «выпросила» его у соседки.
Милая, я так тебя люблю,
ведь я приехал без подарка.

— Оленька... Оля,
Любимая, Вечная, Жена моя
на всю жизнь!

И возносится день животворной зарёй
в тонком обруче их золотящихся лиц...

Помяни мя, Господи.

1995

Одомашнивай меня,
 одомашнивай!
Вбей безгрешной слезою в быт,
чтоб, как пахарь, почерневший над пашнею,
обливался потом над бесплодной землёй,
 где, может быть, клад зарыт.

Одомашнивай — ты мать.
 Улыбка твоего ребёнка
 оголённой души,
с которой сбиты скорлупы,
 а на их месте появились мозоли;
она звереет от боли.
Ты — мать.

Брось мне кость
 домашнего очага —
хочу тепла,
 исхожу слюною
 над румяной котлеткой,
съел бы целого барана,
выкапывал бы мёрзлый картофель из земли,
только бы доставить тебе удовольствие
своим звериным
 аппетитом.

Но бойся:
когда забрезжит рассвет,
я возьму (из сарая) заступ,
и ускачу на деревянной ноге
 старого бродяги Сильвера
на поиски
 несуществующих
 сокровищ.

16 августа 1988

Ой-ли, Оленька, сумерничаем, вечерам
над шашечными квадратиками. В пространстве
межзвёздном
соломенного снеговя не различаем
за чаем, возвратясь с мороза.

В том смешенье речного, глухого обмана
телевизора с книгой ли, «буквенной кассой»
(«Квадрата» Малевича — с житием экрана)
на доске, НЕПОКРЫТОЙ ЛЕВКАСОМ.

Ой-ли! Вечный обман вечерами:
гоношится монах над доской своей вечной...
Мы ж соломенного снеговя не различаем,
по которому возвратится Сын Человечий.

18 февр. 1996
Люберцы, 115 квартал

Я вселенские свечи
В гортани зажжёт...
Будто гном, до предплечий
Прорастаю в порог.

Не пройти меня мимо,
Не задевши ногой;
Моя плоть опалима,
И гребу кочергой.

Очи — словно буравы —
В голый, призрачный дом,
Где под полом бьют травы
Соловецким ключом.

Чу! В московских подвалах
Прибывает вода;
Арматурным металлом
Рёбер — жмут города...

Луковичною дрёмой
Глубже скроюсь в земле —
И безличный, и новый,
Как тюльпан в ноябре.

Только стану под вечер
Вдруг с детьми очень строг...
Я вселенские свечи
В гортани зажжёт.

11 ИЮЛЯ 1997

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ

Что было — было до меня,
и без меня. Одно неясно:
как чья-то смерть была прекрасна,
при том, что жизнь была пуста...

И всё же — жертва не напрасна.
Я не могу её принять
и не принять:
 над нами властна
её слепая правота.

1986/87

САБОТАЖНИК — ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Чьи кулаки нам грозили с войны?!
Снайперы с детства въедались в умы.
Вроде, один среди сотен врагов...
«Не заводить, не дай бог, дневников.

Лучше не думать... Ничьи кулаки...»
Он узнавал их по смачному поту.
От делового: «Раззява, работай!» —
думал: «Вот фиг, не четыре руки...»

Тихо сидел, притулившись бочком,
с книгой раскрытой, в заросшем окопе:
взгляд исподлобья, на стёклах очков, —
будто глаза позабыл в перископе.

ИЮНЬ 1988

О, старый мир! Пока ты не погиб...

«Скифы» А.Блок

Читаю Блока: Блок, вокзал, сосед
с претензиями беременной истицы,
периферия языка, туманный след
претензий «Скифов»; спят вповал...

Не спится —
назавтра Эрмитаж...

Тут третью ночь
дожди, и разве не в прихожей
мне раскладушку кинули, народ —
говно, и неприезжий тоже...

А Ленинград — весь в пролежнях перил
диловинных, Исакий золотится.
«Россия — Сфинкс», вотще кто посетил
её расхищенной гробницей.

Ноябрь 1990

УТРО НАКАНУНЕ ТЕРРАКТА

Я хочу померяться силой не с человеком,
а слабостию не с ребёнком;

первый обидит — я не отвечу,
ребёнок слабее — он заплачет.

Но я хочу померяться силой не с человеком,
а слабостию не с ребёнком;

первый лишь ранит, не добивая,
ребёнок играет — До полной победы!

Если меня только ранят — нанесу удар из засады,
и дети заплачут: «Он убивает всерьёз».

Но я хочу померяться силой не с человеком...

1982 — 1984

ЧЕРНЬ

1. ВРЕМЯ

Утро ль, вечер — просыпаюсь — всё темно.
Длятся образы, но выбыли давно:

то ли Вы были в соломенных дверях,
то ли в каменных израильских гробах

пили-ели одержимые... В ту ночь,
в день тот народились «сутки прочь».

2. РАБОТА

Мне ж неведома работа — «всем поэт»,
и такая «темнота вмещает скрытый свет»;

каждый миг бы мог назвать «своим стихом»,
и луну, и дерево — «своим лицом».

Слышал: «червь я»... Нет, мне слишком много —
ведь работал и коптил, как дышит «червь»,
«червь»,

3. ИСТОРИЯ ВОЙН

Я б узнал свой камень — с примесью земли,
да с берёзой в головах, да с церковью вдали.

Я бы «Родиной» пророс в босых ногах
чьих-то дальних правнуков с ружьём.

1980, 1986(?), 9 февраля 1996

1921

Война! И ты пылила песней
На перепутье всех дорог;
И не хотел быть интересней
Больной великолепный Блок...

Неразорёнными домами
У бездны мрачной на краю,
Как Данте — первыми стихами
Мог объяснить всю жизнь свою.

11.10.85

Российский волк столетнего Парнаса,
он исхудал, и по зубам лишь мясо
варёное... но с губ летит, легка,
от семечек сухая шелуха.

Он переваривает старые обиды:
«Пускай теперь я на цепи для вида,
цензура мягкая для них — блаженный миг...
Всеяден я, и пожиратель книг.

Паромщик я в разливе «жёлтой» прессы,
но нет тоски о первобытном лесе
поднятых рук... Решится в одночасье,
кому не вдруг, вдруг, выпадает счастье».

Почуяв, кони давятся от храпа —
волк из капкана выгрызает лапу;
но рвёт и мечет — с губ летит, легка,
от семечек сухая шелуха.

25 марта 1988

ПОДПИСЬ К КАРТИНКЕ: Искусство

И закат нарисован
на дне с озёрною рыбой,
и лодка — оторванной цепью
скребёт по воде,
а небо стоит ещё полное грома.
Полынь, лебеда да берёза
настояны в сорванной криком гортани.
Что кричит человек на другом берегу
и машет руками?

нояб.- дек. 1995

АВТОШАРЖ

— За что, за что мне это?
и другое:

— Да что мне, что мне надо?

Я божьей милостью — не сочинитель,
пишу стихи на зависть идиотам,
и унижительно для тех, кто понимает,
для искушённых. Не пишу стихов;
друзья меня считают пустоцветом.

— За что, за что мне это?
(и другое:

— Да что мне, что мне нужно?..

и всё то же:

Я, божьей милостью, не сочинитель,
пишу стихи...)

1984

ТЕНИ ПОЭТОВ

М.Н.Ромму

1.

Переходя на личности, бунтуем:
мол, все вы (ваши псы и ваши пастухи)...

И после, вроде исповедь врачует,
выбалтываем — дело бы! — стихи,

не отделяя, в чём и чья вина,
словами чьи покрыты имена,
но будто всё происходило с нами —
и снова лица скрыты именами.

2.

Великое мы славой окружили —
в парад Имён, не схожих по лицу —
но похвалы не всякой заслужили,
ВСЕГДА ГОТОВЫЕ К БЕССЛАВНОМУ КОНЦУ...

Но трижды славлю, кто подобный спор
переводил в негромкий разговор —
источниками пользуясь живыми,
Святое восстанавливая имя.

3.

Как было много лет назад,
Мы говорили не об этом...
Но всё о жизни говорят,
Собравшись за столом, поэты.

Лишь всё во времени смешав,
Я одного искал меж ними:
Как говорили неспеша!
Какими были молодыми!

1985

MONUMENTUM

«Я просто всё скажу, как на духу.

О, если б горла у меня хватило!»

В.Полетаев

1. Надпись, сделанная на посмертном сборнике стихов В.Полетаева при отсылке его М.Н.Ромму:

То ли наивна «условность стиха»,
то ли на милость сдаётся строка —
ну, зачеркни... перечти днём с огнём,
будто написана молоком.

(Там мы и видели САМУЮ СУТЬ,
где до неё оставалось чуть-чуть.)

2. Слухи

Рассказывают о нём разное,
(критика или отсутствие критики —
вот обстоятельства смерти поэта,
считающиеся характерными)

и тут угадать важнее,
как крепи и ширились слухи —
от предположения ЕСЛИ (...),
имеющем смысл, КАК ФАКТ.

3. МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Мы одичали —
и мысли по кругу
извечного круга.
Как примечанья
(иные пропущены в книге),
так наши помыслы —
на расстоянья велики
тем, что какой-то страницы
без них не прочтут.

4. ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

В листа немом кружении
не буря — но движение,
не ветер — но дыхание,
и лепет... запустения,
и взлёт бесплодный Гения,
и радость
увядания.

5. КРЕПОСТЬ

«Нет больше места содеянному,
но себя не пощажу...»

— Ради чего? —

нет ничего вечного в этом мире,
но всё прочно.

Крепко стоит на ногах твоя молодость —
чем ты себя не мучай —
ей многие могли бы позавидовать.

6. ПОВЕРЖЕНИЕ ВО ПРАХ

РАДИ ВСЕХ лучше жить разлюбя,
не смущаясь живого примера
тех, кто, вовсе не зная тебя,
хочет знать ещё меньше —
от меры
надобности и, по мере любя.

Я поверил в своё: «НИКОГДА
ИМ НЕ СТАНУ СУДЬЕЙ» — это глупо,
да и ново ли? — вот в чём беда...

1986

Я только раз пожалел
дать взаймы другу;
хотя после деньги «летели»,
сам я оставался без копейки —
что ж, давно известно:
«щедрому вернётся стократ».

Я только раз не пожелал
«быть компетентным»,
и хотя теперь я мотаюсь —
просиживаю в разных конторах
(консультациях, бюро по обменам),
организую бешеную деятельность —
ничего не идёт впрок,
от моих советов нет пользы;

почему же раньше
из простого желанья «помочь»
я казался всем таким «ловким»?

Я только раз захотел
пожить для себя,
перестал «быть» оригинальным —
пора «иметь» всё своё, —
но иметь что-то для себя
я уже не надеюсь.

ОК. 1983-84

Я чувствую под кожей чешую и жабры, и свой прах,
и мясо белое оленя.

Не видеть её неделю — бессилие кролика,
упавшего замертво после полового акта — мы не виделись
вечность;

не видеть её неделю — счастье кота, дорвавшегося
до валерьянки — мы не виделись две картины несбыточных
надежд.

Вползаю не любовником, а гадом с оплывшими
блевотными веками,

в груди у меня два сердца, как у пойманного голубя,
а третье во рту — так сильно прикусил язык.

Где я был — что ей отвечу, если ничего не скрываю...
но что я могу ей сказать.

...Весенние деревья, ещё не набравшие сока, звонко
лопаются под топором, как сахарные косточки — это моя
работа,

но за неё платят два кармана табачных крошек и
немного меди на обратный проезд — если где-то меня ещё
ждут, если мы любим друг друга;

верней — это всё, что остаётся от целой вечности
несбыточных надежд.

1986

К.К.

Не знаю, чем стала для нас
Последняя встреча. В то утро
Мы жгли для тепла и уюта
На кухне невидимый газ.

И был так понятен язык
Со сцены сходявшего лета.
Не стал я, конечно, поэтом,
Ты больше не плачешь от книг...

1984

ВНОВЬ ЧИТАЯ ХИКМЕТА

К двухлетию со дня смерти А.П.Егорова

1.

Товарищ Назым,

Стамбул — удивительный город;
я вижу его во сне:
весь отлитый из чистого золота,
этот город живёт во мне.

Какой у Вас нынче день?

Должно быть, вечное воскресенье?!
И эта улыбка на жёстком лице,
как лошадь в тюремном дворе —
удивительно напоминает стихотворение,
написанное в тюрьме.

2.

Два года,
как друга не стало
(сколько воды утекло,
сколько случилось на свете!)...

Кажется,

будто совсем недавно:
сидим за столом,
уставленном
торчащими пустыми бутылками,
и уже не говорим...
о Назыме Хикмете.

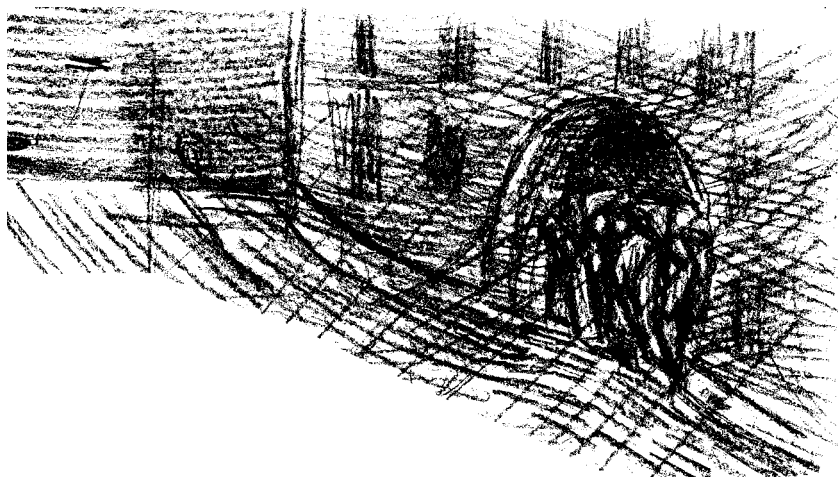
3.

У меня седеют виски.
Тот стол давно вынесен в сад,
и его занёс листопад.
Мы сидим за пустым столом,
снег тает в моих ладонях...

И вот уж звенящий апрель,
и летнее солнце
 лежит на линолеуме
стола — тот стол давно вынесен в сад.

Мы сидим за пустым столом.
Стамбул — любовь моего друга.
Хикмет — поэт умершего друга.
Всё — лишь воспоминание о Стамбуле.
Что слышно
 в Стамбуле?

ночь с 23 на 24 ноября 1995

ТУЛЯКИ

Памяти Адриана ван Остаде

...А тем же утром
До первой пыли
Мы возвратились,
И жадно ели
И много пили —
Пока напились.
Но в тот же вечер
С собачьим лаем
В путь снарядились,
Нам на дорожку наливали,
И мы напились.

А в «день такой-то»,
Как на вокзале,
На нас бранились:
«Вы кто такие? Мы вас не звали,
Ещё напились...»

1982

ПОМИНКИ

(ОБЫЧНЫЕ песни — те, которые исполнялись по обычаю... на свадьбах, похоронах, поминках и т.д.)

Что-то заспал — так всегда неуместно
вспомню вдруг: женщина... так же (при ком?)
силилась вспомнить обычную песню
с медленным вздохом — будто зевком.

Валом народ. Выносили чего-то.
Чью-то рюмку, забывшись (иль случай такой),
выпивали с окошка одну за другой,
и уже собирались и шли на работу.

Я работал тогда на бесценном металле:
относил, подвозил — не садился курить;
а необычные песни мешали
что-то вспомнить — чтоб всё позабыть.

1986

ВОСПОМИНАНИЕ

Я верю живым приметам,
портретам...
(Кому их писать?)
По фотографии —
деда —
на кладбище
трудно узнать.

Сентиментальным бредом
казалось порой
и снами —
моё увлечение
предметом,
бывшим его часами:

глупо, банальной рифмой,
но попадая в такт,
за сутки
бежали час с лишним —
мерно
«тик-так,
тик-так».

А дед опаздывал вечно —
в надежде
на этот час...
Я верю живым приметам,
предметам,
помнящим нас.

афг. 1987

ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ

У меня аллергия на металл в организме:
вид маленького паровозика, застрявшего в моём глазу,
становится моим взглядом на вещи;

но раз в сутки, возвращаясь с работы, [вижу:]
цветут деревья,
а потом сразу идёт снег.

1987

В ДОЖДЬ ПОД ДЕРЕВОМ

Ещё деревья держат дождь.
Подумать: шелохнись — и всё прольётся,
и засквозится, отразится с позолотцей
сквозь ветви небо... солнце! ну и что ж,
— пусть будет и оно, и ливень (в дрожь
лист пробирает) —
ясности не требуй.
И лишь хвалы произносите небу,
оно ответит: «Ты — живёшь».

1986

Какой был сад! — все яблони опали,
Морозный пар струился от земли...
Ещё вчера — ты помнишь? — пролетали
Над самым нашим домом журавли.

Я помню ТО, и то лишь удержал
Не памятью, а будто самым взглядом:
Сад яблоко последнее держал;
И твой отъезд, и что была ты рядом...

1986

СОН В ПРОХОДЯЩЕМ ПОЕЗДЕ

Любой привал был налегке,
как парус на реке,
как капля в чашечке цветка,
а в капле — облака.

Я пил, как воду, бражный сок
берёз — из двух стволов;
и видел пролежни дорог
от новых тракторов;

и — как вокзал пустел до дна —
до первых поездов...
(Москва из космоса видна —
на гребне полюсов.)

Мой сон мешался с лебедой,
с названьем сотен трав;
но вдруг: закрапал дождь грибной,
на полпути отстав...

1987

СОН

Легчайшие — во сне — слова
росли из губ сухой травинкой.
Любовники, мы шли в обнимку,
свой оставляя сеновал.

Обещанную «навсегда»
я обнимал свою подругу,
и сеном пахла борода,
её теплом и дымным лугом.

Мои слова струили кровь,
и плоть казалась их живее.
И было слово — как «любовь»,
других соломинок алее.

Но с лёгкостью, с какой
в молчанку дети то играют,
то не играют с «тем» и «той», —
она сказала: «Я не знаю»,

нарушив правила любви.
Сон становился очевидней,
и я воочию увидел
себя, метущимся в пыли —

слова корнями проросли.
Я прахом стал, придя из праха...
На куст, торчащий из земли,
мочиться подошла собака.

16 авг. 1993, Малаховка

МАЛАХОВКА

Ночь выслала дымы мне в путь,
И фонари для зоркой стражи,
Деревья в придорожной саже,
И неба — только чтоб дохнуть
В него дымком от сигареты;
Домов слепые силуэты,
В глаза чьи страшно заглянуть:
Всяк Родина — я ж горожанин...

(У печки пол истёр крестьянин,
Шурша в ворованных дровах,
Как некий дух, изгой, древлянин,
Мечтая о тепле и щаж.)

Бездеьем мучимый и ленью,
Приду домой в бездомный быт,
Перед Угодником паду я на колени
(Хоть не изведаю ни сладости молитв,
Ни кротости, ни строгости служенья):
Лишь Родину хочу я видеть в Лике —
Без панегириков и повилики —
Ни грязь и гниль в разграбленной стране...
Хочу крестьянина увидеть на гумне.

1989 – 2001

Всё не забыть. И женщин не забыть,
Когда, не зная пагубной привычки,
Выходишь ночью в кухню покурить,
И не дождёшься первой электрички.

А нравится мне в женщинах чужих
Приветная домашняя усталость:
Как им тепло в своих платках простых,
И то, что счастье малое досталось.

1985

СОН С ПРОБУЖДЕНИЕМ

В некотором давнем царстве
или некотором текущем государстве

над озером дети смеются —
можно рукой дотянуться...

Можно обжечься крапивой,
съесть недозрелую сливу,
можно попробовать на язык,
как острый тростник —
акулий плавник;

вверх по реке, вверх по реке
подняться в спальном мешке;

...где волки доят коз, а улы без забот,
без скверных и опасных пчёл рожают мёд...

Но сны — не дальние края,
где, аки по суху, идёшь по звёздной пыли
с сумой и посохом, и веришь чудной были,
где так всё просто начиналось с «жили-были»,
а просыпаешься: Иван-дурак — не я!

1985

ЗОЛУШКА

Что мне не говори —
 ответы все вчерне
И наспех брошены
 в твоём уютном доме;
Так музыка, пришедшая извне,
Приблудной кошкой
 жмётся к подоконнику.

Она вольна,
 и глаз её востёр,
И тем нагла, что уж её мы слышим;
И кто-то в комнате
 вдруг делается лишним,
Конечно — ты, дрянная из сестёр:
С крысиным кучером,
 и тыквой на дороге
(О, сколько глупости,
 тем паче — влюблена!) —
Чтоб слушать у раскрытого окна
Чужую музыку
 и городок убогий.

(лето — осень 2000)

МУЗЫКА

Только запомнилась эта музыка,
может быть, никем не сочинённая, не явленная,
но явная.

Человеку без слуха
дороже воспоминание —
простого упоминания
достаточно,
ведь какой угодно малой
может быть эта картина,
и какой угодно великой,
простой и сложной,
явной и тайной.

Человеку без слуха
пока невдомёк:
очевидный намёк,
будто трудный урок,
он вспоминает...
Но, конечно, узнает,
когда ЭТО вновь повторится:
«Было! Было! — лицо его озарится, —
Что я в самом-то деле? Именно так».

1987

СОХРАНИТЬ «ЗВЕЗДУ»

(написано после просмотра фильма
«Пришла и говорю» с участием А.Б. Пугачевой)

Ложь святая: вечер на ресницах.
Мысли кругом — на воде круги.
Я прошу лишь сохранить певицу —
голубые звёзды из фольги.
Полный зал — свидетель звездопада,
общий спрос: принять и не понять.
Слава Богу, объяснять не надо, —
есть возможность главное сказать.
Мастерство — есть ясная свобода
ДЛЯ! не ОТ чего-то не того,
ясный час прихода и восхода,
и — вне сцены — в целом, одного...
Целой жизни — вписанной — страницы...
Вкуса, смысла... Вечно на виду...
Я прошу лишь сохранить певицу,
ради правды — сохранить «звезду».

1985

Мы решили — никто не Моцарт.
Посоветовались и решили,
Что серьёзно не согрешили:
Ну и что ж, что никто не Моцарт!
Только поздно — не разуверят,
Мол, по молодости поспешили,
Или — проще того — не решили...
Что ж, не в Моцарты — так в Сальери!

1984

Лене Калашниковой

Как в церквах старинных голосники —
Точно дыры в куполе — не понять,
Отчего не замазал их мастер — ни дать, ни взять:
На Руси не повывелись шутники;

Так же в крохотном зальце, где акустика — ноль,
Я дырявым ощущал себя голосником,
Может быть, накопителем си-бемоль,
И дыханья певицы со сквозняком.

Я не слышал, чтоб пела она — жила! —
В той деревне, станице — я не был там...
И на санках мама меня везла
По знакомым — забытым давно местам.

Блохи парятся там в парной,
Тишина на берег плывёт — домой.
Это — будто подслушанный в дымной пивной
Разговор о себе, как с самим собой.

Кто услышит, чтоб пели голосники? —
Но в пустующей церкви шаги легки,
Будто небо держит за воротник,
И живой — по стенам — журчит родник...

За столом сижу: то ли водку пью,
То ли песня её во мне, точно бред —
Как закралась? — да, видно, уловку свою
Просчитал тот мастер на много лет.

дек. 1998

Бедная Лизхен

Что Лизхен делает?
Лизхен не спит.
Лизхен кашляет.
У Лизхен беда.
Что Лизхен делает со своею бедой?
Лизхен не знает что с нею делать.

1984

ГАЛЯ + (?)

Она решала трудное сложенье,
нелепое такое положение:
не знала... что приписать себе —
за Галей с плюсом ставить на стене?

Какая-то неведомая сила
её томила, только странно:
как-будто графоманией грешила.
А я ...

Я так не походил на Дон Жуана.

1984

Я бывал в доме,
где «жил и работал...»
Кто — не удосужился прочесть
(всего лишь памятка);
в его родном городе
памятник
воздвигнут в его честь.
И вот,
на днях узнаю,
что сочинения его
невозможно достать —
вполне достаточно: уж
лучше истратиться
на второй том
«Мёртвых душ».

19 окт. 1987

ХАЛТУРА (новый день)

День наступил, и — хлопья старой краски
под обрешетником, в помёте голубей...
Халтуру и не пью — бездарная развязка:
случайный труд безропотных людей.

21—22 янв. 1995

Как убывают дни! Хмельно и круто:
Где нечем крыть — не обойтись без лоска,
Но — вдруг! — становится весомою минута,
Как оттиск с беглого наброска.

Я видел — человек прошёл нездешний,
по окнам глянул, будто невзначай...
Мне есть чего сказать: я сумасшедший,
я жру траву и пью бодрянный чай.

Вот жизнь богемы! Хочешь: жрёшь — не жрёшь,
а пьёшь — как на духу! — тираноборец...
Но я-то получил под рёбра нож,
когда не смог достать червонец.

В АМБАРЕ (На смерть И. Пташкина)

Уста — сургуч, а слёзы — водка,
в карманах денег — пятак:
на шкуре яловой (бесплодки
овцы) зарезан мужичок —

колхозник-скотник обнаружил;
шмонал, волоча хоронить,
нашёл пятак: «Нет, этим душу,
пожалуй, мне не подлечить...»

22 марта 1997

ПОХМЕЛЬЕ

Тревожен дух, но плотью жаден,
Лицо горит от свежих ссадин,
А тело пахнет, как помои...
Но я увлёкся с головою —
Пишу стихи про нас с тобою,
Про белый домик на горе,
Куда уедем в сентябре.
Там церковь видно из окна,
И речка вся — до дна — видна,
Цветы в саду...
А я в аду.

26 апреля 1998

СМЕРТЬ ПОЭТА

— Сейчас выработался совершенно новый
внеклассовый тип людей — это алкоголики.

— С похмелья я иногда сочиняю стихи.

(начало 80-х)

— Например, любера останавливают
на улице пьяных и избивают только
на основании того, что они пьяные.

(середина 80-х) «Диалоги»

Он издыхал испражнённым осетром
на нересте... Два рыбака-подростка,
пожалуй, находили слишком плоским
его — для ловли каменным багром.

Но он скорей почувствовал нутром,
как были их улыбки белозубы:
забил хвостом, засуетился глупо,
как на крючке — с раскрытым ртом...

1987-1994

В.ПАВЛОВ
(В последнюю встречу)

Он всё мне высказал, но больше наперёд —
мысль не родила слов: слова — и не слова,
а оболочка только...

Так страшен выброшенный плод,
в котором есть мозги и голова
ребёнка.

Сам — нежилой (сна не желаю), кроме
того, кто подглядел из-за угла:
вот сигареты всплеск — как инвентарный номер
недвижной ауры стола.

1994; 93

«БЕССОННИЦА» (рисунок Врубеля)

Сквозь призрак сна, где преступленье грубо,
Зевает явь, за плечи теребя:
Всему пристрастен слишком бледный Врубель,
За всё святое лишь казня себя.

«Бессонница» — так неудобна поза,
И смерть глупа тем, как опять близка;
И краткий сон: Вангоговские ЗВЁЗДЫ
для Врубеля — рисунок потолка.

1985

ВАН ГОГ

Огромным валуном
катилась на него
слава.

Росла она
с приближением камня,
камешка,
песчинки...

И, если бы не ужас смерти —
прокатилась бы мимо,
поверьте.

16 сент.1987

КАК В АМЕРИКЕ

«У них особое чутьё на уцелевших».
«Другая Америка обретает голос».
Две фразы — каждая
тиражом в пятьдесят тысяч
(на русском языке что значит:
«Другая Россия...» и тому подобное).

У них особое чутьё на уцелевших
в разное время.
«Что не запрещено, то разрешено»
(поди попробуй) — вот их лозунг
на данный период.
(Мой отец не успел
даже окончательно спиться.)

Слова стремятся быть интернациональными,
а русский язык — непереводимым.
(«Американизмы» наводнившие мир,
а средний американец купается в сленге.)
Сотни миллионов,
получивших патент на изобретение колеса.

Цеха, напоминающие растворные узлы.
Увеличение смертности от туберкулёза,
с которым у нас давно покончено...
Попытки делать сенсацию
(с немедленным её опровержением).
Репетиция большого спектакля.

Пустующие магазины с одним только
продавцом. Целые области
вздутых консервов.
(Никто не умирает с голода.)
По мере возможности налаживается быт,
благоустраиваются жилища (квартиры,
похожие друг на друга, как диетические яйца).
Инфантильным называется человек,
не умеющий приспособиться...

Какие америки стоят у нас ещё на пути,
готовые перекроить нашу жизнь
на свой манер? (Что у нас общего?)
Новая Америка подаёт голос.
Цветной Гарлем протягивает руку дружбы.
(Что там слышно на Манхеттене
о продаже спиртного?)
Немногие уцелевшие пишут стихи...

ноябрь 1987

*Моему кредитору
и любителю изящной словесности
Михаилу Ермишину посвящаю*

Я что-то расписался, ну, как тот —
В шинели лётал, помнишь? — Так похоже!
При встрече рассказал бы этот «анекдот»,
Да только помню, что тебе полтинник должен.

А встреча будет долгой, как любовь
Ромео к этой девке — ну, ты знаешь.
Ты думаешь, шучу для рифмослов —
Ан не до шуток — коли занимаешь.

Ну, к чёрту деньги — про любовь
Начну Тристана и Изольды...
А Буратино, помнишь? — холодеет кровь:
Он ждал чудес, продув четыре сольдо.

Всё деньги, деньги... баксы, эти евро...
В башке одно: «А что куплю — для славы?»
Вот будут евро, так куплю фарфор из Севра,
Обув, как новый русский, всю державу.

Держа... Держава... Что держа в кармане фигу,
Козе понятно — нужно ехать в Ригу;
А с мордой красной — с бодуна —
Тебя не примет ни одна страна.

Я «голубею» что-то на глазах,
Такое про «любовь» тебе сказав:
Любовь, мол, деньги, а страна — жена...
Душа — когда напьёшься допьяна.

Ты думаешь, что Карамазов — циник?
Ан, погляди — принёс тебе полтинник.

Теперь валяй про своего Тристана.
Я знаю, станешь — даже денег до кармана
Не донесёшь...

В ночь на 2 янв. 1999

В альбом М.Ромму

Мы лишь едва коснулись в разговоре
Того, сего, компьютеров, машин —
Я думал о «провинции души»,
Парадоксальности и собственном фаворе:

Неужто этот лысый господин
Меня достанет, даже нет, не в споре,
А в чём-то, прибавляющим седин,
Ума, и силы дураку в фольклоре...

4 июля 1998

ИЗ КАРЕЛА СЫСА

За сотни собак,
что я пожалел,
приручил и — выгнал,
думал: «Не приживётся
этот бездомный
с раздавленным боком,
даже если бы выжил...»

Я дал ему молоко
и фарш размял в хлебе,
будто бы с этим псом
разговаривать мне на небе.

7 сент.1987

КАРТИНКА БУДУЩЕГО

Земля — суррогат
асфальта, перепаханного с химикалиями.
Глянцевые гранулы удобрений
подобно соли выедают снег,
фосфорисцируют ночью, днём смердят,
весной заволакивают глаза.
Пустотелые стебли пшеницы
перезваниваются на ветру,
как аптекарские склянки.
Дубильные вещества сохраняют влагу,
подснежники и грибы
растут один из другого.
Жена носит детские размеры.

1987

Всех церквей не объехать мне впредь,
потому что, связавшись с коммерцией,
лишь хотел больше денег иметь, —
и вконец обобрал своё сердце.

И давал обещания зря,
и себе лгал про выгоду близкую...
А запомнилось: монастыря
звёздный купол в посёлке Дзержинского.

(Январь?) 1996

Люди живут
в тёмной воде.
Это люди живут
в тёмной воде.
Вижу, лодка надо мною плывёт
по тёмной воде.
Я хватаю багор, я цепляю зубами багор
в тёмной воде.
Эй, Харон! Эй, Харон, подцепи нас багром
в тёмной воде,
Подцепи нас багром, протащи нас багром
хоть немного по тёмной воде.

1996

НАГОВОР

Л.Т.

Узнаёшь меня,
не откликнувшегося ни единым
письмом ли, известьем —
одним только сердцем взываю? —

нарядною белкой
взовьётся от комля к вершине
один разве лист
из целой притихнувшей стаи.

Земле не прибавить
от листьев сухих перегноя,
а лист, затерявшийся в кроне,
жиренья её не убавит...

Но только деревья (их `остов)
вычернутся на белом,
и ветры начнут их трепать,
как высохший «Арго» в пустыне —

на снег упаду я
рубиновой капелькой крови...
Весной вдруг спохватится добрый садовник
и не преминет

сказать:

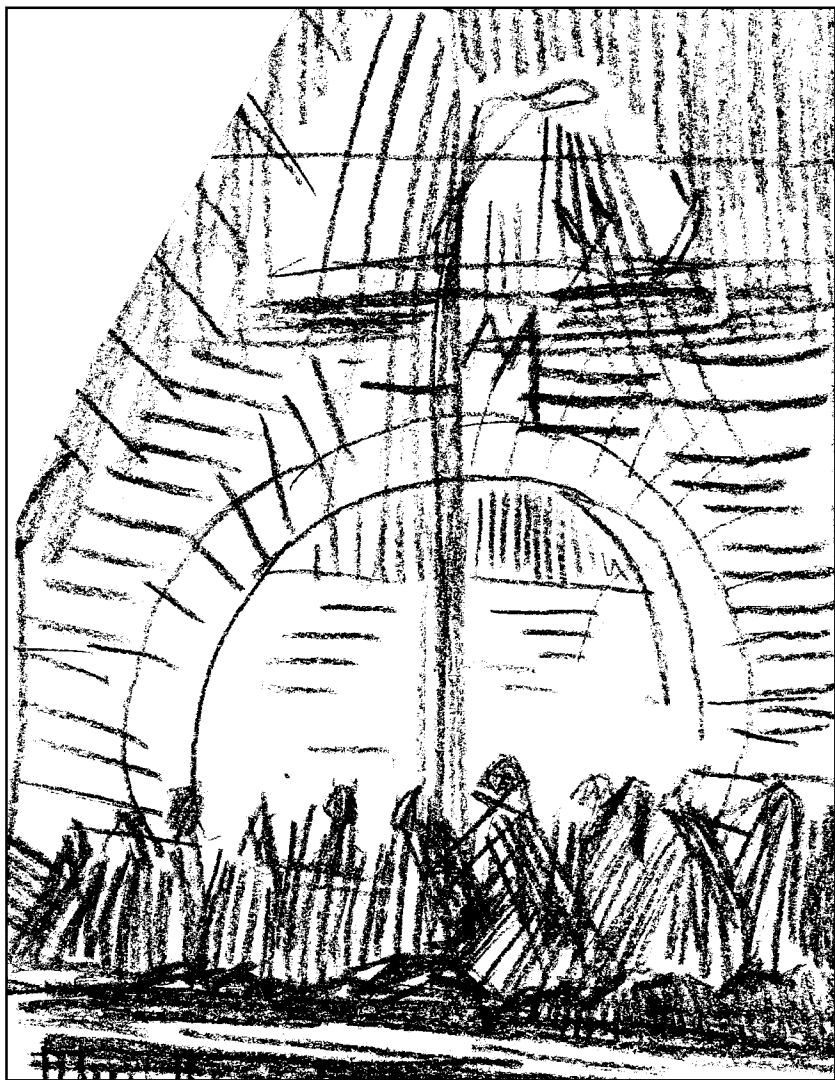
«Это лист, что остался от года...»

16 ЯНВ. 2000

Вся Москва когда-нибудь станет ничьей квартирой
под музейным замком, где въедается пыль в косяки...
Средоточием муз! Здесь модерн в сочетании с ампиром,
и единственный «сталинский» дом
продувают одни сквозняки.

Здесь из мягкой податливой глины
горшечники лепят провидцев,
чьи могилы свежи, имена — режут воздух и слух.
Может быть, по культуре далёкой провинции
будут нас изучать,
наживую пришилив булавкой к столу...

май 1988

Из раннего

XX век

В извечной суете миров,
В рядах неровных улиц,
Меж в небо рвущихся домов,
Стоит чуть-чуть ссутулясь,
Двадцатый век.

На вечных стенах
Пыль дорог,
В кирпичных венах
Дух тревог
И серый снег.

.....

1978

Звёзды сникли в песок.
Игры чёрных котят
растворила заря.
Два человека в длинных плащах
Тащат в гору липовый крест
(Холодно — чёрный котёнок царапает руки), —
«Здесь самое место», — вкопали, ушли;
А когда растворился туман,
Все увидели,
Что к кресту
прибит
Человек.

1978

Душа моя первичнее Начала,
Ещё древней Пракрити и Пуруши —
Когда едва лишь что-то намечалось,
Я уж горел в конце Начала.

1978

Вечереющей далью
Я искал свой костёр,
Избегая случайный
Тополей разговор.

Тихо шёл, опасаясь
Наступать на углѝ, —
А они догорали
Где-то в мёртвой синѝ.

ОК.1978, 1979

Лене Тарарухиной

1. ПРИЗНА АЛКОГОЛИКУ

Шкура ночной медведицы стонала
Ещё мокрая и тёплая от мяса заката.
Вышла выпечь немного лунного золота
Ночь на вы жарках медвежьего сала.

Нынче с вечера выдалось небо малое.
Эх, пьяница, к гробу доспевший на дрожжах мата,
Посмотри — раздутое к небу приколото
Заспанное одеяло.

Луна такая, будто плавает в политуре;
Говорю: Темь, как овраги, выстлала глаза...
И звезда долго-долго и беспечно курит
Папирской в панихидные образа.

2. О БОЛЬНОМ КРЕТИНИЗМОМ

Умные звери, Лена, умные звери,
самые умные звери, Лена, поверь, —
несглодавший зубы какой-нибудь мерин,
самые умные звери в его голове.

Паутинные, сны паутинные. Вижу в снах:
облетающий, облетающий настаёт
(будто задран и разобран на кустах)
кровавых листьев осенний приплод.

Умные звери, Лена... слушай сопение —
никакой нет осени, никаких «голых ветвей»,
только тыкаются мордами в чужие колени
слепые щенята умных зверей.

Разную мы с тобой знаем осень,
только нет никакой «осени» только «для нас», —
просто в мутном дожде
кварталы, как листья, носит...

3. ПО СЛУЧАЮ ЭПИЛЕПСИИ

Приходи, хворый или добрый,
будь мне глупым, очень глупым объяснением пустоты,
или просто будь нужным —
какой-нибудь нужной вещью в квартире.
И хотя у меня часто болит голова,
поверь (это меньше всего от головы),
что мне ничего не нужно, ничего
в этом ничего-ничего незначащем мире.

Я жду, жду: Кто-нибудь придёт,
хоть у дверей постоять окоченелым от смерти —
оттого не пугает окровавленный рот
откусившего язык эпилептика.

осень 1980

ПОСВЯЩАЮ ДЭЮН ТАКАМИ

Моя собака,
она лает только тогда,
когда в комнате есть люди,
с самозабвением, доходя до экстаза,
олаивает каждый хлопок подъездной двери.

Но большую часть дня,
когда все на работе,
она мирно спит под одеялом.

Вчера в компании реалистов
я неистово любил Ван Гога,
и они смотрели с завистью,
потому что могли сказать не хуже,
и только не было у них такого
Ван Гога.

Теперь, сидя глубоко в кресле,
я всматриваюсь в репродукции великого голландца
и запоминаю их названия.

О, беззвучная мелодия моей души!

1980

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

(2-й вариант ст. «Посвящаю Дзюн Таками»)

— Делаешь ли ты дело,
или только оправдываешься? —
наконец не выдержал отец.

Я объяснил ему мужество Ван Гога,
могущего ответить: «Виновен,
но не виноват. Виноват,
но не виновен».

Впервые отец смотрел на меня с уважением,
потому что мог ответить не хуже,
но только не было у него такого
Ван Гога.

1980

На Мещанской улице
Кот напоен розой,
И узором устрицы
На окне морозном.

Ратуши в стакане,
Чёртики в графине,
И мещанка манит
Блюдцем глаза синего.

И приходит завтракать
В штопаном сукне
С палкой суковатою
Нищий в бороде.

Это ли не радостно,
Что есть водки штоф,
Холода помазанник —
Нищий без портов?

«Высмотреть и выклянчить,
Выкрасть и убить!..» —
Прилетает Силища
Чёрная бубнить.

И примёрзнет нищий
Штопаным сукном,
Плоской бородищей —
За окном с ледком...

На Мещанской улице
Дразнят петуха:
«Хороши у курицы
С салом потроха?!»

1980

ДОМОВОЙ

Приходил Домовой —
Рифмовал «головой» —
Спал на печке
Не одну ночь
При одной свечке,
А теперь невмочь —

Отворяет двери,
Выглянул в окно —
Сам давно потерян,
И кругом темно...

(Налипают бабочки
На фонарь, в фонарь;
Умирают бабушки,
Эко вон, как в старь.)

Но оконце глянется
Девке боевой —
Девка зарумянится,
Не пойдёт домой.

1980

Меня вели смотреть на сосны,
И говорили: Это праздник!
Сейчас поутру будут росы,
Мол, будут росы — это праздник.
И будет торжество туманов,
А после ты увидишь сосны...
И проводник ходил весёлый,
И делал тайну из тумана.

1981

Хочется тихого диссидентства
при именинных свечах,
Анну Ахматову — в сердце,
но чтоб и «маразм крепчал»;

и чтоб всё окончилось разом,
и говорили потом,
что зверски был пьян Карамазов
и спал во дворе под кустом...

1981

БУРИМЕ

Набережная, и — [сколько] разных тонких женщин!..
Бамбуковые стройные скамейки,
и сныть, и бузина.
В такое лето Блок — гуляющий помещик
от выпитого натошак вина.

1981

НАКАЗАНИЕ

«Душа моя черная
Медведем ученым,
В поганные воды придя умирать,
Ни себя, ни свой грех посмеять не даёт,
А будут смеяться — не станут кричать,
И глупая тяжба пойдёт.»

Итак, молитва как забота:
Руки не вырвешь из руки,
И, вот, скупые обороты —
Предельно цельные грехи.

Воспоминаньям не откликнусь,
Как не кричишь на ворожбе,
Когда последняя молитва:
«Не я один взывал к себе».

Была, была в былом неверье стройность,
Как разве вместе и рассвет, и ночь;
И *новое*, ничем не беспокоясь,
Замкну́тый круг луны, как архаичный голос,
Сгоняет с неба прочь.

Начало 80-х

НАКАЗАНИЕ
(вариант)

Есть смысл:
корявая вишня цветёт,
и мысль:
душа моя черная

медведем ученым,
в поганые воды придя умирать,
ни себя, ни свой грех посмеять не даёт,

а будут смеяться — не станут кричать,
и глупая тяжба пойдёт.

Я думал: достигнуты горы —
с чего показалось?
какие хотел бы воздвигнуть храмы?

ненависть, но в последнюю с другом ссору
чья меня удержала жалость?

Только вспомнились руки мамы.

Начало 80-х

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

В тот день я был одет, как в 77-м году
на выпускном школьном вечере.

В том же костюме, как и семь лет назад,
я казался себе (необыкновенно) привлекательным.
— По крайней мере, не напьюсь, — сказала мать.

И я с удовольствием оглядел себя в зеркале:
«Почему бы и нет — в приличной компании...»

На улице я повстречал Опёнка,
он только поинтересовался:

«И куда, к примеру, Вы собрались сегодня?»

Больше Опёнок ни о чем не хотел расспрашивать,
и помню, как он смешно согревался, сняв шляпу.
Мы выпили с Опёнком на двоих кружку пива,
и больше не виделись.

«Случайная встреча — приглашение к путешествию»,
сказал бы Феофан Бесноватый.

К слову, а куда вы могли бы отправиться запросто
без денег (войдите в мое положение)

и с початой банкой солёных грибов?

(1984?)

ПОХМЕЛЬЕ

Я проснулся ночью в тупике паровозного депо.
Шёл дождь,
но было светло, как днём:
наверное, скоро должен начаться осмотр вагонов.
Неожиданно вспомнившийся разговор — и кто знает,
когда прерванный...

Кто знает, когда начатый разговор —
а собеседник уже взбешённый, но не желая ссоры,
выходит покурить в тамбур: идёт дождь.

Вы беззастенчиво листаете тетрадку
(которую он оставил, чтоб не заняли место);
в вагоне светло, как днём.

Он недавно сдал последний экзамен —
тетрадка (по физике)
материальна, как пустые бутылки после сдачи
экзаменов.

Я проснулся ночью в тупике паровозного депо.
Шёл дождь.

Неожиданно прерванный разговор...

Я листаю чужую тетрадку,
материальную, как раз *и навсегда* конченный разговор,
как пустые бутылки

везде,

под кроватью,

в шкафу,

на столе,

на полу —

жутко материальны,
когда мы бросаем пить...

Я проснулся ночью в тупике паровозного депо.

Июнь 1985

ДНЕВНИК СТРАНСТВИЙ

Переплётчик! Окрепшую боль
Нескитаний, нежизни в лесах —
Заверни в проступившую соль,
Вместе — ветер и паруса...

Нежилую продрогшую тень,
Паутины слепящую нить...
Не забудь и пустых деревень
Одичавший овес посолить.

1985

КОРАБЛЬ ДИЛЕТАНТОВ

Мы вскрываем плотину,
открываем шлюзы,
выламываем колья —
мы даём реке воду,
рыбу, ил с полей, —
но корабль наш
садится на мель.

И не соль, а табак —
в трюме — порох и мёд...
Свежий окрас — затянет травой.
Удивимся лишь: Как? —
как большой пароход,
он не чуял воды под собой.

— Время камням цвести —
да нам морем идти,
а корабль возьмём с собой.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	3
НЕЧАЯННО, КАК ВЗДОХ	4
«Я строю музей...»	7
«Праздник завтрашнего дня!»	8
ГОРОД	8
«БОБОК»	9
ЧИТАЯ ГОГОЛЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	11
«Я ненавижу живопись, стихи...»	13
ХУДОЖНИКУ	14
ПИСЬМО ДРУГУ	15
«Легковерные мечты...»	18
ПРИМЕТЫ ДРУГА	19
ПОРТРЕТ	19
«В дом мой постучалась Пустота...»	20
17 ЧАСОВ 50 МИНУТ	20
«Этот дом не даёт эха...»	22
«СКАЗКИ ПИШУТ ДЛЯ ХРАБРЫХ»	22
ДЕРЕВА	23
НОЯБРЬ (Отрывок)	24
ПОНЕДЕЛЬНИК	26
НОСТАЛЬГИЯ	27
ПЛАКАТ	27
«Когда напысь — восторг щенячий...»	28
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДАВНЕГО ПИСЬМА	29
ПРОЩАНИЕ С РОДНЫМИ	30
МАЛАХОВКА — ЛОБНЯ	31
НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ СОБСТВЕННОГО ДОМА В МАЛАХОВКЕ	31
ПЕСНЯ	32
«ЗНАНИЕ»	33
«Когда-нибудь я выйду на дорогу...»	34
МОЛИТВА В ПОЕЗДЕ	35
«Одомашнивай меня, одомашнивай!»	37
«Ой-ли, Оленька, сумерничаем, вечераем...»	38
«Я вселенские свечи...»	39
У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ	40
САБОТАЖНИК — ОДИН В ПОЛЕ ВОИН	40
«Читаю Блока: Блок, вокзал, сосед...»	41
УТРО НАКАНУНЕ ТЕРРАКТА	42
ЧЕРНЬ	43
1921	44
«Российский волк столетнего Парнаса...»	45
ПОДПИСЬ К КАРТИНКЕ: ИСКУССТВО	45
АВТОШАРЖ	46
ТЕНИ ПОЭТОВ	47
MONUMENTUM	48
«Я только раз пожалел...»	50
«Я чувствую под кожей чешую и жабры...»	51
К.К.	52
ВНОВЬ ЧИТАЯ ХИКМЕТА	54
ГУЛЯКИ	56

ПОМИНКИ	57
ВОСПОМИНАНИЕ	58
ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ	59
В ДОЖДЬ ПОД ДЕРЕВОМ	59
«Какой был сад! — все яблони опали...»	61
СОН В ПРОХОДЯЩЕМ ПОЕЗДЕ	62
СОН	63
МАЛАХОВКА	64
«Всё не забыть. И женщин не забыть...»	65
СОН С ПРОБУЖДЕНИЕМ	66
ЗОЛУШКА	67
МУЗЫКА	68
СОХРАНИТЬ «ЗВЕЗДУ»	69
«Мы решили — никто не Моцарт.»	69
«Как в церквах старинных голосники...»	70
БЕДНАЯ ЛИЗХЕН	71
ГАЛЯ + (?)	71
«Я бывал в доме...»	72
ХАЛТУРА (Новый день)	72
«Как убывают дни! Хмельно и круто...»	73
«Я видел — человек прошёл нездешний...»	73
В АМБАРЕ (На смерть И.Пташкина)	73
ПОХМЕЛЬЕ	74
СМЕРТЬ ПОЭТА	74
В.ПАВЛОВ (В последнюю встречу)	75
«БЕССОННИЦА» (Рисунок Врубеля)	75
ВАН ГОГ	76
КАК В АМЕРИКЕ	77
«Я что-то расписался, ну, как тот...»	79
В АЛЬБОМ М.РОММУ	81
ИЗ КАРЕЛА СЫСА	82
КАРТИНКА БУДУЩЕГО	83
«Всех церквей не объехать мне впредь...»	83
«Люди живут в тёмной воде.»	84
НАГОВОР	85
«Вся Москва когда-нибудь станет ничьей квартирой...»	86

ИЗ РАННЕГО

XX ВЕК	88
«Звёзды сникли в песок.»	88
«Вечереющей далью...»	90
ПОСВЯЩАЮ ДЗЮН ТАКАМИ	93
НОЧНОЙ РАЗГОВОР	94
«На Мещанской улице...»	95
ДОМОВОЙ	96
«Меня вели смотреть на сосны...»	97
«Хочется тихого диссидентства...»	97
БУРИМЕ	97
НАКАЗАНИЕ	98
НАКАЗАНИЕ (Вариант)	99
ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ	100
ПОХМЕЛЬЕ	101
ДНЕВНИК СТРАНСТВИЙ	102
КОРАБЛЬ ДИЛЕТАНТОВ	102